

ЧАСТЬ 1

АЛЬ-ДЖАЗАИР

ХОЗЯЕВА ПУСТЫНИ

Зачем копить добро в пустыне бытия?
Кто вечно жил средь нас? Таких не видел я.
Ведь жизнь нам в долг дана, и то – на срок недолгий,
А то, что в долг дано, не собственность твоя.

Омар Хайям «Рубаи»

2006 год

Алжир, Восточная Сахара, селение туарегов

Одноглазый Ахамук водил верблюда вокруг высохшего колодца. Его распирали радость и гордость – сегодня малышка Шеку впервые ездила верхом. Она неуклюже раскачивалась, вцепившись ручонками в жесткую шерсть животного. На ее лице отражался страх, смешанный с восторгом. Немногочисленные обитатели селения, которых не смущала жара, разделяли приподнятое настроение аменокаля⁹. Они что-то одобрительно выкрикивали, хлопали в ладоши. Туареги¹⁰ были большой семьей. Все любили Шеку как младшую сестру. А после того, как местная колдунья Анаба объявила ее своей преемницей, которой она передаст древнее умение общаться с духами предков (так, по словам Анабы, ей сказали джинны), к малышке начали относиться с еще большей симпатией.

Старая ведьма была единственным обитателем селения, которая не разделяла всеобщего восторга. Она с опаской поглядывала на раскачивающуюся на спине верблюда Шеку и неодобрительно цоккала языком: Ахамук опять проигнорировал ее предупреждение о том, что Шеку еще слишком мала для езды верхом.

Верблюд смотрел на туарегов свысока, оттопырив нижнюю губу. Размашисто скидывая длинные ноги, он важно чеканил каждый

---

⁹ Аменокаль – титул, которым туареги называют вождя.

¹⁰ Туареги – народность группы берберов в Мали, Нигере, Буркина-Фасо, Алжире и Ливии.

шаг, огибая камни, которыми были выложены подступы к колодцу. Малышка Шеку осмелела. Ободряемая взрослыми, она, наконец, залиvisto засмеялась и взбрыкнула ножками – путешествие на верблюде начало доставлять ей удовольствие. Ахамук смотрел на свое чадо с умилением, то и дело смахивая с лица крупные капли пота. Его единственный глаз улыбался.

Вдруг из щели между камнями вылез скорпион и пополз по раскаленному песку к высохшему колодцу. Верблюд отшатнулся. Малышка ойкнула. Маленькие ножки взметнулись вверх. Лицо старухи Анабы, пристально наблюдавшей за каждым шагом верблюда, исказил ужас...

2006 год

Алжир, оазис Эль-Салах

Горячее тропическое солнце скатилось к горизонту, погрузившись огненным шаром в песок бескрайней пустыни. Но со стороны барханов по-прежнему лились потоки раскаленного воздуха.

– Мишель, мальчик мой! Пора собираться...

Мне ужасно хотелось еще поплескаться в спокойном озере, но, что поделать, нужно идти. Я нехотя направился к берегу. Сделав несколько шагов по песчаному дну, я почувствовал, как что-то зацепилось за палец ноги.

– Сынок, что ты мешкаешь? – уже сердилась мама.

– Сейчас, мам, уже иду!

Я пошарил руками под водой и поднял со дна неожиданную находку.

– Ма, смотри, что я нашел, – подбегая, я протянул маме на ладоншке маленький кулон. – Это золото? А сколько это стоит?

При слове «золото» мама снисходительно улыбнулась: в кулоне-завитушке она узнала дешевую безделушку, сувенир, какой можно купить за несколько динаров в любой алжирской лавке для туристов.

– Сынок, самое ценное не измеряется деньгами, – уклонилась мама от прямого ответа и набросила на мои плечи полотенце.

Она была настоящей брюнеткой-француженкой. Бирюзовый медицинский халат с эмблемой миссии «Врачи без границ» прекрасно сочетался с ее красивыми зелеными глазами. Папа, араб по национальности, любил повторять, что француженки – самые красивые женщины в мире. Он знал, что говорит, ведь вырос во Франции.

– А что самое ценное? – хитро улыбнулся я.

– Ты, конечно!

– Значит, я ничего не стою?

Мама рассмеялась.

– Иди, покажи папе, – подтолкнула она меня. – Он уж точно скажет тебе, что это за находка.

Сунув босые ноги в сандалии, я засеменял в селение берберов¹¹ мимо густых зарослей граната и смоковниц.

Моего папу в Эль-Салахе очень уважали. Особенно с тех пор, как он вылечил сына Рашида Абдельвахида, местного контрабандиста. Парень сорвался со скалы и сильно повредил обе ноги. После нескольких операций, проведенных моим отцом, юноша вновь смог ходить и даже бегать и прыгать. Теперь в каждый приезд миссионеров Рашид Абдельвахид резал несколько барашков и угощал все селение. Это был широкий жест даже для контрабандиста, но оно того стоило. Врач из Франции подарил его сыну вторую жизнь!

Отец сидел на низкой скамеечке в тени раскидистых пальм, возле белого фургона с большим красным полумесяцем. После напряженной операции он всегда отдыхал и, конечно, молился. Мимо сновали папины сотрудники: складывали палатку, упаковывали медицинское оборудование, готовили машину к отъезду. Невдалеке толпились берберы, глядя на фургон миссии, как на корабль пришельцев из космоса.

Капли пота скапливались у папы над бровями и стекали по его уставшему, но счастливому лицу. Операция прошла успешно. Мама говорила, что папа – отличный хирург. Он мог бы работать в

---

¹¹ Берберы (или берберийцы) – общее название покоренных в VII в. арабами и обращенных в ислам первобытных обитателей Северной Африки: от Египта до Атлантического океана – с одной, и от негритянских государств Судана до Средиземного моря – с другой стороны.

лучших клиниках Парижа, но решил помогать беднякам в Алжире. Этим отец служил Богу. Мое детское сердце восхищалось и папой, и его работой, и его Богом.

Заметив меня, папа раскрыл свои объятия. Я утонул в крепких и надежных руках, которые очень любил.

– Пап, смотри, что я нашел, – заморожено раскрыл я ладошку.

Отец поправил съехавшее с моих плеч полотенце и усадил меня к себе на колени.

– А ну-ка... Ух ты! Это очень ценная вещь, она называется «алжирский узелок любви»... – папины слова прозвучали торжественно и загадочно, будто к нам в руки попало нечто из сокровищ Аладдина. – Смотри, – он провел пальцем по замысловатой завитушке, – это означает, что узы любви бесконечны и их невозможно разорвать – нет такой силы в мире!

У меня перехватило дыхание. Я прикоснулся к сказке! Как же мне повезло! Не зря я уговорил маму взять меня с собой в оазис.

– В старину алжирские моряки, уходя в плавание на долгие месяцы, оставляли своим любимым такие узелки, – продолжал отец. – Это означало, что моряк обязательно вернется и союз сплетенных сердец будет вечным, – по лицу папы скользнула ласковая улыбка. – Если парень дарил девушке такой узелок, это означало признание в любви...

– А ты маме тоже такое дарил? – спросил я.

– Нет, – усмехнулся отец. – Мы тогда жили в Париже. Там такие вещи редко встречаются...

– В Париже? А я когда-нибудь увижу Париж?

– Я тебе обязательно его покажу. Это самый красивый город на земле! – мечтательно проговорил папа, коснувшись моей находки. – Видишь, эти три кольца на самом деле единое целое, как Отец, Сын и Дух Святой. Три кольца свиты в одно. Так и наш Бог един, но проявляет Себя в трех лицах. У этих колец нет ни начала, ни конца. Это означает, что любовь никогда не заканчивается... Отличная находка, сынок. Настоящая любовь вечна, она начинается в сердце Бога и поэтому непобедима. Бог так сильно любит нас с тобой, что отдал Своего единственного Сына, чтобы мы не погибли, а жили вечно.

– Он отдал Своего Сына только за нас с тобой? А как же они? – кивнул я на берберов.

Папа на некоторое время задержал на мне взгляд, будто удивился течению мыслей ребенка.

– За них тоже... Только... они в это пока не поверили... – погрузился он и мягко добавил: – Но мы будем смело их любить, как и прежде, и разделять нашу надежду на Христа. В этом наша миссия.

– Пап, я так хочу к Богу на небеса, – с детской наивностью мечтательно произнес я.

Отец засмеялся.

– Всею свое время, – ответил он. – Когда-нибудь мы обязательно увидим небеса. Я тебе обещаю.

Он замолчал, но его губы беззвучно шевелились. Наверное, он опять благословлял меня. Папа часто молился о том, чтобы я вырос хорошим Божьим человеком.

Мне было так уютно и спокойно в его объятиях. Я расслабился. Он молился, а я, положив голову ему на плечо, рассматривал барханы.

Низко над горизонтом висел раскаленный солнечный диск. Из колышущегося марева выплыли силуэты нескольких длинноногих верблюдов с всадниками – к оазису Эль-Салах приближался небольшой караван.

Появление путников местные берберы восприняли настороженно. Женщины подхватили на руки малышей, вертевшихся у миссионерского фургона, и унесли подальше. Мне стало как-то не по себе, но отец даже не прервал молитвы.

Через некоторое время двое всадников спешили около нас. Темные накидки с фиолетовым отливом покрывали их с головы до пят. Тагельмусы¹² цвета индиго скрывали их лица, оставляя открытыми только глаза и лоб. Кожа этих людей почернела от солнца и песчаных бурь и отдавала синевой. Глаза одного из них прятались под треснувшими солнцезащитными очками. Другой был одно-

---

¹² Тагельмус – крашенный в цвет индиго головной убор из хлопка, который сочетает качества вуали и тюрбана. Длина ткани может достигать десяти метров. Тагельмус является типичным головным убором туарегов и других этнических групп Сахары.

глазый. Так что мы видели лишь один немигающий черный глаз, который смотрел на нас через узкую щель, оставленную тагельму-сом. Вооруженные клинками и ружьями, в запыленной одежде, пришельцы смахивали на разбойников с большой дороги. Их верблюды даже после утомительного перехода вертели головами, с непоколебимым спокойствием наблюдая за толпящимися невдалеке настороженными берберами.

Один из пришельцев – тот, что в темных очках, – заговорил. В странном булькающем говоре я не смог разобрать ни слова. Мой отец тоже, хотя он свободно владел арабским и знал много слов местного берберского наречия. В поисках переводчика отец обвел взглядом местных мужчин. Будто предугадав его намерения, те отступили назад: никто не горел желанием вступать в близкий контакт с подозрительными незнакомцами.

Одноглазый поднял руку, после чего его спутник умолк. Зазвучал ломаный арабский.

К нам подошла мама. Тщательно пряча кулон в сжатом кулачке, я соскользнул с папиных колен и шмыгнул к ней, решив, что с мамой я буду в большей безопасности. На «разбойников» я смотрел с опаской, будучи уверен, что они явились из раскаленной пустыни именно за моей находкой.

– Что надо этим людям, Ариф? – с тревогой спросила мама, практически не владевшая арабским.

Папа пояснил с сомнением:

– Если я правильно понял, этот важный одноглазый господин – аменокаль, то есть предводитель туарегов. Его зовут Ахамук. Его маленькая дочь Шеку упала с верблюда. Они пришли за помощью.

– Откуда они знают о нашей миссии? – удивилась мама.

Папа помолчал. Похоже, эта ситуация смутила его не меньше, чем маму.

– Ахамука прислала его мать-колдунья, – развел руками он. – Она видела во сне, как из оазиса Эль-Салах приехал европейский врач и помог девочке.

Родители в недоумении переглянулись. Затем отец почтительно поклонился аменокалю и сказал:

– Нам надо посоветоваться.

Взглянув на высоких туарегов, маячивших на краю селения, я почувствовал некоторое облегчение: значит, мое сокровище пока останется со мной. Я прислушивался к взволнованным голосам родителей, горячо спорившим в фургоне с Питером Маршалом, миссионером из Канады (он часто сопровождал миссию «Врачи без границ»). Я не до конца понимал, о чем спорят взрослые, но их волнение передалось и мне. Они разговаривали по-французски.

– Как ты не понимаешь?! – возмущался папа. – Мы долго молились, чтобы Бог открыл нам двери для благовестия туарегам.

– Мы и так многое делаем, – возражал Питер Маршал. – Мы бесплатно лечим их, помогаем, чем можем. Эта дверь уже открыта практически во все оазисы. Тебе мало?

– А много за это время мы видели обращенных? Нам, видите ли, нельзя проповедовать! Что за чушь?! Главная цель нашей миссии – спасти души! Ты забыл об этом, Питер?

– Мы просто соблюдаем инструкции! Мы их лечим. У нас такая стратегия, рассчитанная на десятилетия. Нам нужно быть очень осторожными. Мы... не можем рисковать!

– Я слышал это миллион раз! Представьте себе апостола Павла, который старается быть осторожным, проповедуя Евангелие где-то в Ефесе. Или Иисуса, Который посылал учеников на проповедь с напутствием: «Только будьте осторожны, никому ничего не говорите, не молитесь за исцеление... Пусть люди сами догадываются, что вы являетесь носителями какой-то особой миссии, и поймут, что им надо покаяться...»

– Ариф, мы находимся в центре исламского мира! – Маршал повысил голос. – Я несу ответственность за то, чтобы вы все вернулись домой живыми и здоровыми. Путешествие к туарегам – действительно нелегкое дело хотя бы потому, что Транссахарная магистраль¹³ не проходит через их поселения. Придется добираться на верблюдах, да еще тащить с собой инструменты.

– А ты хочешь принести Благою Весть в другую культуру и при этом даже не напрячься?! – возмутился отец. – Я сверился с картой

---

¹³ Транссахарная магистраль – важная транспортная артерия в торговле через Сахару. Она тянется из города Алжир в Алжире до города Лагос в Нигерии.

и знаю, где живут туареги. Это недалеко отсюда. Такое путешествие может перенести даже ребенок...

– Если мои слова для тебя ничего не значат, то прислушайся хотя бы к берберам, – не отступал Маршал. – Ты же видел, с какой опаской они поглядывают на туарегов? Жители Сахары верят в приметы, и худшая из них – встретить в пустыне туарега.

– Это языческие предрассудки, – отмахнулся отец.

– И ничего не предрассудки! – горячо возразил Пит. – Племена туарегов практикуют народный ислам¹⁴, в котором доминируют их старые языческие корни. Поэтому назвать их мусульманами можно лишь условно. Они верят во всеобщую одушевленность природы и регулярно практикуют оккультные ритуалы, чтобы защитить себя от злых сил. Многие продолжают поклоняться силам природы и общаться с духами.

– Питер, с каких это пор ты начал верить в приметы? Когда-то туареги брали дань с оазисов, поэтому местные жители относятся к ним с неприязнью. Это у них как бы на генетическом уровне.

В фургоне на некоторое время все стихло.

– Ладно, делайте, что хотите, – наконец сдался Маршал. – Вся ответственность будет на вас.

Дверь фургона распахнулась. Взволнованный канадец стремительно выскочил на улицу. Заметив меня, убрал с лица тревогу, улыбнулся и подмигнул – мы с ним были друзьями.

– Дорогой, я так волнуюсь, – когда родители остались одни, голос мамы изменился.

– Послушай, Софи, у нас появился шанс соприкоснуться с этим... закрытым для Евангелия племенем. Не с такой ли целью мы покинули Париж? Вспомни, о чем мы мечтали, как горели

---

¹⁴ Народный ислам – смесь догматов ислама с народными верованиями, распространенными в доисламский период. Движущей силой в народном исламе является духовный голод человека по близким взаимоотношениям со своим Создателем. Ведь в исламской теологии Бог трансцендентный: Он далек и не вовлечен в дела людей. Поэтому большинство мусульман живет в страхе перед злыми духами, хотя верит во всемогущего Бога. Предпринимая неослабевающие поиски сверхъестественного противодействия невидимым духовным злым силам, агрессивным и вторгающимся, мусульмане в народном исламе зачастую прибегают к оккультной практике и находят мистические переживания.

наши сердца! Мы верили, что Бог будет руководить нами и мы увидим чудеса. Туареги? Это как раз то, что нужно!.. Я постоянно думаю о них. Я даже понемногу начал учить их язык. Представляешь, как здорово будет перевести Евангелие на их наречие? Этим людям надо дать шанс! Если мы поможем девочке, туареги станут нашими друзьями, и мы расскажем им о Христе. Ведь к нам обратился сам аменокаль!

– Но это так неожиданно...

– Бог часто так действует, в Библии много подобных примеров...

– Это все выглядит странно! – маму терзали сомнения.

– Эти люди... они похожи на разбойников. Почему они закрывают лица?

– У них такая культура.

– Их прислала колдунья, у которой было видение. Как ты можешь этому доверять?

– Понимаю, врачам сложно верить в чудеса. Мозги даже многих верующих лекарей пропитаны рационализмом. Мы привыкли верить в то, что знаем. У нас все должно быть предсказуемо, объяснимо, доказано химическими формулами. Мы во всем хотим проследить причинно-следственную связь. А как же вера? А где же место сверхъестественному Богу, Который может делать что-то не по нашему сценарию? Вера – это всегда риск, дорогая. А как же клятва Гиппократа, в конце концов? К нам обратились за помощью, и Бог хочет, чтобы мы очень серьезно отнеслись к тому, что пообещали.

Под давлением этих аргументов в мамином сердце рухнул последний бастион. Против клятвы Гиппократа, усиленной ссылкой на Бога, мама выступить не смогла.

В голосе папы был такой огонь, что я сразу встал на его сторону. Мне тоже страстно захотелось помочь туарегам уверовать в нашего Спасителя.

– Милый, я знаю, что ты хороший хирург, – судя по интонации, мама сдалась. – Ты поднял на ноги сына Рашида Абдельвахида. Но что, если девочка нуждается в квалифицированной помощи другого специалиста? А если потребуются серьезная операция? Без клинического оборудования это невозможно.

– Я не думаю, что у девочки какие-то серьезные проблемы, – отмахнулся отец. – Ты же видела, как спокойно ведут себя эти люди. По крайней мере, мы поможем устроить ее в клинику. А Питер... да он постоянно чего-то опасается!

– Тише, вдруг он услышит, – хихикнула мама, и это было добрым знаком. – Не суди его строго. Чтобы оберегать нас от опасностей, нужен именно такой человек, как он. Питер просто очень ответственный. Он не трус. Он любит нас и хочет, чтобы у нас все было хорошо.

– Наверное, ты права, – со вздохом согласился отец. – Хотя, честно говоря, он редкий перестраховщик, мистер «Как-бы-чего-не-случилось», – и продолжил мечтательно: – Это будет незабываемое путешествие на верблюдах, о котором мы будем рассказывать внукам, когда состаримся! Мы даже можем взять с собой Мишеля...

Когда я вошел в фургон, родители стояли в обнимку и улыбались мне. Глядя на эту идиллию семейного счастья, я тоже расплылся в улыбке. Папа и мама сгребли меня в охапку и чмокнули в обе щеки.

В путь к туарегам отправились задолго до рассвета. Путешествие на верблюдах казалось забавным первые несколько часов, а потом выяснилось, что оно весьма утомительно, особенно когда нещадно палило солнце и горячий воздух обжигал лицо. Верблюды шагали медленно и плавно, раскачиваясь из стороны в сторону. Эти умные животные не делали лишних движений, чтобы сохранить силы. Не зря их прозвали кораблями пустыни. Мимо проплывали песчаные холмы. Как туареги ориентировались в этом однообразии? Скучно и невыносимо жарко!

Постепенно я привык к новым спутникам. Они оказались несловоохотливыми, но дружелюбными. Туареги относились к нам с некоторым благоговением. Еще бы, местная колдунья увидела во сне, как мой папа согласился помочь девочке! Наверное, немолодой аменокаль горячо любил свою дочь, хотя и прятал чувства под маской сурового хозяина Сахары. Думаю, он был добрым человеком. Однажды он указал мне на выпуклый след впереди нас, при этом его единственный глаз хитро улыбался. Он слез с верблюда, порылся в песке и поймал небольшого сцинка.

Туареги называют этих ящериц «песчаными рыбами», так как те живут в толще песка, передвигаясь с помощью мускулистого хвоста. Туареги этих сцинков едят.

Отец попытался объяснить аменокалю, что при наличии морозильников и прочих благ цивилизации «песчаных рыб» можно замораживать для длительного хранения. Нам с мамой было забавно наблюдать за вождем туарегов. Его мозг напрочь отказывался воспринимать понятие «свежемороженая рыба». Папа развел руками и переключил свою энергию на нас. Оказывается, он действительно знал о туарегах много интересного.

– Мужчины этого племени раньше не работали, – рассказал папа, – а жили за счет того, что грабили караваны и брали дань с земледельцев, живущих в оазисах.

– Вот это да! – вырвалось у меня.

– В наше время многое изменилось, но для туарегов до сих пор земледелие является унижительным занятием. Они разводят коз, верблюдов, овец, с этого и живут. Знаешь, быт туарегов чем-то напоминает мне миссионерские семьи.

– Например? – заинтересовалась мама.

– У них к женщинам относятся с большой любовью и уважением, в отличие от исламских традиций, – отец бросил на маму ласковый взгляд. – Мать аменокаля, например, может при желании «наложить вето» на все постановления вождя.

– О, тебе это не грозит, мой падишах, – отреагировала мама шутивным тоном. – Библия гласит, что «жене глава – муж»¹⁵...

– Но самое интересное, что у туарегов лицо от посторонних прячут мужчины, а не женщины, – продолжил папа.

– О, это уже перебор! – скривилась мама.

– В древности туарег мог убить встретившегося ему в пустыне путника, если тот случайно увидел его лицо.

Я посмотрел на аменокаля с тревогой, размышляя, надежно ли закреплены на его голове складки тагельмуса.

К поселению туарегов мы добрались только к вечеру. Местные жители с откровенным любопытством рассматривали гостей. Их

---

¹⁵ Первое послание к Коринфянам, глава 11, стих 3.

невзрачные палатки из выделанных шкур сливались окраской с невысокими скалами. А вокруг – ни травинки, ни кустика. Как люди могут жить в таких условиях?

Навстречу одноглазому Ахамуку вышла сухая старуха с татуировками на лице и выразительной, как у обезьянки, мимикой. Она показалась мне сердитой. Ее голову, шею и руки покрывали украшения: серебряные ромбики разных размеров. Без всяких там вступительных «реверансов» она резким жестом пригласила нас в палатку.

Несмотря на усталость, папа старался сохранять доброе расположение духа. Он всегда был веселым и приветливым, когда имел дело с маленькими пациентами. Войдя в палатку, произнес на арабском:

– И где же тут маленькая Шеку, которая давно ждет доброго доктора?

В палатке стоял запах верблюжьей шерсти, пота, мочи и сушеных кизяков, которыми обитатели пустыни топят очаг. Глаза постепенно привыкли к полумраку. На кучке тряпок и шкур, расстеленных прямо на земляном полу, лежала девочка. Она тяжело дышала и не реагировала на происходящее. С первого взгляда было понятно, что состояние ребенка тяжелое. Отец обеспокоился.

– Меня зовут Анаба, – проскрипела старуха. – Мать-прародительница Тин-Хинан¹⁶ наделила меня способностью понимать язык джиннов. Этот дар мои предки передавали из поколения в поколение. Малышка Шеку особо дорога нам. Джинны указали мне, что именно ей я должна передать древнее мастерство, с помощью которого мы поддерживаем связь с предками, узнаем будущее и понимаем голос пустыни. Я сделала все, что могла, но моя магия не помогла ребенку. По-видимому, Тин-Хинан рассердилась на меня и решила забрать Шеку в свой мир. Но во

---

¹⁶ Согласно легенде, к нагорью Ахаггар из Марокко на белом верблюде приехала женщина Тин-Хинан со своей служанкой Такамат. В Ахаггаре Тин-Хинан стала царицей. Многочисленные поклонники приезжали к ней для совокупления, потом она их убивала. Царица и служанка рожали детей, положив начало роду туарегов. В 1925 году в районе древнего укрепления Абалессы в Ахаггаре нашли богатое захоронение женщины. Многие туареги верят, что это могила Тин-Хинан.

сне я увидела Бога, Которого не знала раньше! Это ваш Бог, европейский. Его зовут Иисус. Он сказал мне, что в оазисе Эль-Салах сейчас находится лекарь из Европы, который сможет помочь маленькой Шеку. Спасибо тебе, что пришел. Нельзя допустить, чтобы наш светильник угас.

Рассказ старухи Анабы больше озадачил отца, чем вдохновил.

– Давно она упала с верблюда? – спросил он.

– Прошло уже четыре дня, – горько скривилась женщина. – Она так и не приходила в себя.

Я, конечно, мало что понимал в культуре этого народа, но мне показалось, что старуха и одноглазый вождь скорбят о недуге малышки не только из чувства долга перед племенем. Горе на самом деле разбило их сердца. Папа растерянно обвел глазами хижину и наткнулся на встревоженный взгляд мамы.

– Ариф, похоже, она умирает, – прошептала мама по-французски в надежде, что ее слова не поймут находящиеся в палатке туземцы. – Что будем делать? Эти люди ждут от нас реальной помощи.

– По крайней мере, мы должны ее осмотреть, – вздохнул отец.

Я боялся пошевелиться, пока папа с мамой бережно осматривали травмированного ребенка. Мне так хотелось, чтобы у них все получилось. Ведь папа – хороший хирург. Он может все!

Из темного угла палатки туареги с закрытыми лицами угрюмо наблюдали за действиями врачей. Старая Анаба тихо причитала и махала руками возле маленькой лампадки, словно призывая на помощь своих джиннов. Заметив на лицах родителей растерянность и озабоченность, я покосился на туземцев. К сердцу подкрался страх: если родители не смогут помочь ребенку, эти дикари с нами что-то сделают. По крайней мере, от их джиннов вряд ли можно ожидать чего-то хорошего.

Дурное предчувствие меня не обмануло. Старуха перестала лепетать заклинания, уселась на коврик и принялась раскачиваться, закатив глаза и издавая тихие протяжные стоны, наполненные болью.

Отец хотел что-то сказать собравшимся в палатке туарегам, но замялся. Ему всегда было тяжело сообщать родственникам пациента плохие новости.

– У Шеку повреждены шейные позвонки, – объяснил он, беспомощно разводя руками. – Помочь ей можно только в хорошо оборудованной клинике. Ее надо бы доставить в ближайший большой город. Понимаю, это далеко, кругом пустыня. Можно было бы вызвать вертолет, но...

В мрачной хижине повисла тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра снаружи да тоскливыми стонами старухи, которая уже начала оплакивать отходящую внучку.

Отец опустил голову. Ему предстояло сообщить все плохие новости до конца.

– Но она вряд ли перенесет путешествие на вертолете, – продолжил он. – Я сталкивался с такими случаями. Думаю, ее мозг сильно поврежден от сотрясения. Жизнь едва теплится в ее маленьком тельце. К сожалению, девочка доживает последние часы. Мне очень жаль! Уже слишком поздно.

Аменокаль сник. Блики лампадки играли в его потускневшем единственном глазу, мгновенно наполнившемся крупной слезой.

Туареги о чем-то агрессивно заспорили. Беспомощность врача, на которого они возлагали большие надежды, вывела их из эмоционального равновесия. Их речь была глухая, отрывистая и злая. Спутник аменокаля – тот, в темных очках, – постоянно хватался за клинок. В перебранке принимала участие и старуха. Я убедился, что она действительно пользовалась в этом племени большим авторитетом. Она могла перебивать, повышать голос. Ее все слушали. Нам оставалось сидеть и ждать. Я перебрался поближе к маме. Она крепко прижала меня к себе. Я чувствовал, как учащенно бьется ее сердце.

Наконец туареги умолкли. Старуха Анаба подошла к отцу.

– Твой европейский Бог – большой обманщик, – злобно бросила она, ткнув в папу узловатым пальцем. – Мне с трудом удалось утихомирить этих мужчин, чтобы они не причинили вам зло. Но не советую вам спать этой ночью. Я не смогу до утра охранять вас от гнева Ахамука и его братьев. У меня будет более важное дело. Я буду молиться за Шеку, пока ее душа находится между пустыней и миром умерших.

– Мой Бог не обманщик! – повысил голос отец и осекся, так как взгляды туарегов вонзились в него, как клинки. Эти люди едва сдерживали свою агрессию.

– Тогда ты – очень злой человек, европейский доктор, раз уж можешь помочь ребенку, но не хочешь, – прошипела беззубая старуха, оттопыривая нижнюю губу.

– Я всего лишь человек. Я врач, а не чудотворец. Но я могу помолиться...

– Ариф, не надо, – вмешалась мама. – Зачем провоцировать этих людей? Главное – дожить до рассвета! Ты многим людям помог, ты искусно оперируешь, однако...

– Дорогая, сейчас речь идет не о моем мастерстве! – перебил отец. Он говорил горячо, но старался быть сдержанным, косясь на туарегов. – Рашид Абдельвахид уверовал в хорошего врача, а не в Бога! Однако сейчас нужен не хороший хирург, а сила Святого Духа!

– Послушай... – протянула мама, стараясь собраться с мыслями, – у нас ничего не получалось, когда дело доходило до исцеления через молитву. Нет, конечно, мы бы помолились, если бы у этого ребенка был жар или разболелся живот. Но девочке может помочь только чудо! Она умирает!

– Анаба видела Иисуса! – продолжал отец тоном человека, которого изумляет, что другие не понимают очевидных истин. – Когда за дело берется Бог, мой человеческий профессионализм уже никому не нужен! Ее должен исцелить Иисус!

– Ариф, Иисуса видела ведьма, – мама понизила голос и покосилась на Анабу, опасаясь, вдруг та все-таки понимает по-французски. – Она могла увидеть что угодно, милый. Давай просто уедем домой. Они нас не тронут, с нами ребенок. Больше всего я переживаю за нашего сына...

Отец заколебался. Он готов был сделать безумный шаг веры, если бы не жена и сын.

Вдруг одноглазый Ахамук шумно вскочил и сорвал с лица тагельмус. Среди туарегов прокатился сдавленный гомон. Я не на шутку испугался. На миг я увидел его лицо с фиолетовым отливом и быстро отвернулся. Я тогда не знал, что неестественный оттенок

лицам пустынных жителей придает некачественная краска, которая отпечатывается с ткани тагельмусов – туареги обожают фиолетовый цвет. При этом они никогда не умываются: вода в пустыне в большом дефиците. Без маски Ахамук еще больше походил на разбойника. Наверное, он сделал это преднамеренно, чтобы у нас не осталось шансов выжить!

Ахамук ткнул пальцем в моего отца.

– Ты просто тянешь время, – прошипел он. – Если Шеку доживет до утра, значит, великая прародительница Тин-Хинан милует вас, и вы отправитесь обратно в Эль-Салах. Но как только малышка умрет, мои воины догонят вас. И тогда никакая сила не сможет защитить вас от нашего гнева. Мы превратим в развалины Эль-Салах, если вы попытаетесь там спрятаться. Пески Сахары скроют ваши тела. Я сказал! И мы посмотрим, сможет ли хоть кто-нибудь в этом племени перечить моей воле!

Ахамук бросил гневный взгляд на свою мать, будто предупреждение прежде всего касалось ее. Даже старуха оторопела, когда ее сын открыл лицо. Я тогда не понимал, что в их культуре это был зловещий знак.

Испуганные родители переглянулись. Я крепче прижался к маме и не расплакался только потому, что мне было очень страшно.

– И все-таки я помолюсь своему Господу Иисусу Христу, – твердо сказал отец в установившейся тишине.

Несмотря на сильную концентрацию негативных эмоций в этой маленькой палатке, папе позволили помолиться. Затем нас поместили на ночлег в одну из хижин, предварительно выгнав оттуда факелом семейку рогатых гадюк. Чтобы мы не сбежали, у входа всю ночь караулили охранники. Но куда мы могли сбежать? Кругом лишь безжизненные однообразные барханы.

Мама с папой не разговаривали. Все было понятно без слов. Они тихо молились. А что оставалось делать мне? Я достал свою завитушку, напоминающую о самой великой силе в мире, и заговорил с Богом.

– Иисус, я знаю, что Ты есть, – шептали мои губы. – Если бы на месте моего папы был Ты, то Ты обязательно сотворил бы чудо. Боже, исцели маленькую Шеку. Тебе это ничего не стоит. Хочешь,

я подарю Тебе свой «алжирский узелок любви»? Да что там «узелок» – я отдам тебе все свое сердце... прямо сейчас! Только исцели ее, пожалуйста. Если сделаешь это, я обещаю служить Тебе всю жизнь и рассказывать людям о Тебе, как папа...

Отдав свое сердце Иисусу, я крепко уснул, утомленный изматывающим путешествием по пустыне и пережитым волнением. Мне хотелось сказать взрослым, чтобы они тоже ложились спать, так как все будет в порядке – я обо всем договорился с Богом. Но разве они меня послушают? Взрослые всегда усложняют простые вещи.

На рассвете нас разбудил вопль. Выла старая Анаба. Я узнал ее скрипучий голос. Мама вскочила и схватила меня на руки. Отец встал в дверном проеме, намереваясь любой ценой защищать семью. К старухе присоединились другие женщины – вой заполнил маленькое селение. Наши охранники всполошились.

Палатки туарегов стояли полукругом, образуя небольшую площадь в центре, у давно пересохшего колодца. По этому пустырю шла старуха, кричала, причитала, подбрасывала вверх песок. На ее крик со всего селения сбегались мужчины, женщины, дети. Их широко раскрытые глаза выражали изумление: за Анабой топала та самая малышка, с виду совершенно здоровая, с удивлением глядя на ажиотаж, вызванный ее появлением. (Я с благодарностью посмотрел в небеса; Иисус – мой Друг – не оставил меня в трудную минуту.) Аменокаль, не веря своим глазам, присел возле Шеку, ощупал ее, бережно подхватил на руки. Он плакал и смеялся, кружась с ней в радостном танце. Пьяный от счастья, вождь совсем не обращал внимания на спавший с его лица тагельмус. Собравшиеся вокруг туареги хлопали в ладоши, ликовали, прыгали. А маленькая Шеку пыталась сказать что-то важное.

Резким движением руки вождь призвал толпу утомиться. Над застывшей площадью в клубах оседающей пыли отчетливо прозвучал тонкий детский голосок:

– Папа, у тебя в носу паук...

– Нет, моя маленькая Шеку, – поспешил заверить Ахамук, прикрывая тагельмусом свои волосатые ноздри. – У папы в носу нет паука!

– Есть, – голос ребенка звучал твердо. – Я сама видела...

Потом она прильнула к отцовской груди и попросила есть. А селение туарегов вновь взорвалось всеобщим ликованием.

– Аллилуйя! – взревел мой отец, подхватив меня на руки. – Бог услышал нашу молитву! Я же говорил! Я же верил! Мой Бог не обманщик!

Мама плакала. Ее переполняла благодарность Богу за исцеление девочки, за то, что мы остались живы и благополучно вернемся домой, а также гордость за мужа, который проявил настоящую веру и мужество перед лицом смертельной опасности.

Я попытался объяснить отцу, что исцеление Шеку произошло благодаря моей молитве. Но он лишь снисходительно потрепал меня по волосам.

Все селение собралось слушать рассказ европейского врача о христианском Боге. Аменокаль и его мать Анаба первыми отдали свои сердца Господу Иисусу Христу. Их примеру последовало все племя, без исключения. Бывшая колдунья заверила, что передаст внучке не способность общаться с джиннами, а веру в истинного Бога.

Мы с Шеку подружились и отлично понимали друг друга без слов. Вместе играли, рисовали на песке.

Я запомнил эту историю в мельчайших подробностях, хотя мне самому тогда едва исполнилось шесть лет. Думаю, отец совершил бы еще немало смелых миссионерских вылазок, подобных путешествию в селение туарегов, если бы не одно обстоятельство: после знакомства с пустыней у меня вдруг начало болеть сердце, и я оказался в больнице, под капельницей.

Родители посвятили себя заботе о больном ребенке, трепетно оберегая мое сердце от всяческих перегрузок и стрессов. Для меня привычным стал запах больничных палат, лечебные процедуры, постоянные обследования, пилюли, капельницы и кардиограммы. С детства я был лишен многих радостей, доступных другим мальчикам, мне запрещалось заниматься спортом, бегать и играть с друзьями в человека-паука в недостроенном здании нового корпуса поликлиники. Сверстники часто относились ко мне, как к слабаку. Я редко ощущал сострадание и понимание, разве только от

девчонок. Моей тихой гаванью стала семья, где я был окружен любовью и вниманием.

Отец больше не совершал евангелизационных походов, ограничившись медицинской практикой, а новообразованную христианскую общину туарегов взял под опеку преподобный Питер Маршал. Он изучил тамашек¹⁷, наречие туарегов, и совместно с миссией «Пионеры переводчики Библии» перевел для них Евангелие от Луки и Деяния святых Апостолов. Маршал полюбил этот народ и часто повторял, что встретить туарега в пустыне – это добрая примета.

---

¹⁷ Тамашек – диалект туарегов, населяющих юго-восточную часть Сахары – в основном восток Мали (340 тысяч) и северо-восток Буркина-Фасо (18 тысяч). Часть туарегов, говорящих на тамашек, откочевала в Алжир (районы Ахаггар, Тидикельт и Туат) в результате засух 1970–1980-х гг.